

ИСТОРИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

УДК 94(47) ББК 63.3

Е. А. Конявская

ИРИ РАН, Москва, Россия. ekonjavskaya@gmail.com

ДРЕВНЕРУССКИЕ КНЯГИНИ XI–XIII ВВ.: ИХ ВЛАДЕНИЯ И РОЛЬ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ И ЦЕРКОВНОЙ ЖИЗНИ

В статье приводятся данные о территориальных владениях и активности русских княгинь XI–XIII вв. в области политической и церковной жизни. Делается вывод, что роль княгинь не ограничивалась лишь семейными делами. В меру своей личной активности они занимались управлением хозяйством своих владений, участвовали в политической и церковной жизни княжеств и земель.

Ключевые слова: Древняя Русь XI–XIII вв., древнерусские княгини, территориальные владения, регентство

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ, проект № 19-18-00247 «Двор русских княгинь в системе властных структур Древней Руси Западной Европы в период Средневековья и раннего Нового времени (XI–XVI вв.)».

Гендерная тематика в последние десятилетия – весьма популярное направление научных исследований. Если обратиться к работам по Древней Руси, то станет очевидным, что в основном исторические разыскания этой направленности демонстрируют генеалогический и просопографический подходы. Княгини рассматриваются в контексте матримониальных и династических связей князей, а при изучении их биографий основное внимание уделяется их жизни в княжеской семье.

Задача настоящей работы иная. Представляется, что было бы плодотворно рассмотреть данные о социальной деятельности княжеских жен и вдов, которые могли реализовывать свои личные устремления не только в исполнении семейных обязанностей.

Этот аспект, безусловно, затрагивался в общих работах о раннем периоде русской истории, в исследованиях по истории права и др.

М. П. Погодин в разделе «Частная жизнь князей» 7-томных «Исследований, замечаний и лекций о русской истории» [Погодин] дал перечень наиболее ярких примеров деятельности княгинь домонгольской Руси, представив их классификацию и значимый до сегодняшнего дня комментарий.

Важной для данной проблемы работой было исследование И. Д. Беляева «О наследстве без завещания по древним русским законам, до Уложения царя Алексея Михайловича» [Беляев], в котором он рассматривал имущественные права женщин Древней Руси, с одной стороны, на фоне традиций византийского права (Эклоги, Номоканона), с другой – с точки

зрения отражения в законах и в юридической практике «исконного славянского обычая». В отношении княгинь И. Д. Беляев использовал в основном актовый материал более позднего времени – XIV–XVI вв.

В работе А. В. Добрякова «Русская женщина в домонгольский период» [Добряков] были заложены основы изучения владетельных прав русских женщин, с учетом их социального статуса, конфессиональной принадлежности. Исследование включало сравнение соответствующих феноменов в Польше и Чехии. Однако, как и работа Д. И. Беляева, исследование А. В. Добрякова было посвящено древнерусским женщинам вообще, а не княгиням. Так и в дальнейшем владетельные права домонгольских княгинь, их социальная роль затрагивались в общих работах по женской истории, наиболее известная из которых сегодня – «Женщины Древней Руси» Н. А. Пушкаревой [Пушкарева], хотя исследовательница в своих обобщениях и выводах по большей части опиралась на более поздний материал.

Не так давно С. Г. Поляковой была защищена кандидатская диссертация «Княгини Древней Руси X – первой пол. XIII вв.: социальный статус и роль в государственной политике» [Полякова, 2006]. Работа внесла в изучение вопроса новый материал, но, к сожалению, оказалась весьма зависимой от книги Н. А. Пушкаревой.

Для того чтобы адекватно рассмотреть реалии именно русской действительности в отношении роли княгинь во властных структурах Древней Руси, целесообразно принимать во внимание княгинь русского происхождения, мужьями которых при этом были русские князья.

* * *

В научной литературе отмечалось, что княгини имели денежные средства, драгоценности и, что важно, недвижимость. Это служило основанием для возможности не только их деятельности на семейном поприще, но и участия в политической жизни, церковном строительстве и др.

Так, уже первая знаменитая княгиня, оставившая значительный след в развитии Руси как правительница и реформатор, Ольга¹ имела город (945 г.): «бѣ бо Вышегородъ градъ Вользинъ», село «Гължичи»².

В XI в. есть косвенное и не совсем очевидное свидетельство о сельце княжны Предславы («сельце Предъславино»), дочери Владимира Святославича, которое упоминается в Повести временных лет³. Однако такое наименование могло быть связано не с владением, а с проживанием там Предславы.

Летописная информация за XII в. показывает, что ситуация, возможно, различалась в разных княжествах.

В 1158 г. вдова Глеба Всеславича Минского, дочь Ярополка Изяславича, которая пережила своего мужа на 40 лет, завещала Киево-Печерскому монастырю 5 сел с челядью⁴.

В 1170 г. Владимир Мстиславич (Мачешич) после смерти Владимира Андреевича Дорогобужского обещал дружине покойного князя, не пускавшей его сначала в город, и вдове последнего «не позрѣти лихомъ . ни на ѿтровъ свою . ни на села еѣ . ни на ино ничтоже». Но как только вероломный князь вошел в город, он «погна» княгиню «и оуклониса» на ее «имѣние и на села . и на стада»⁵.

Есть информация о владении Рогнедой Мстиславной (дочерью Мстислава Владимировича, сестрой Ростислава Мстиславича) селом Зарубом⁶ [Конявская]. Ситуация осложнена тем, что

¹ Наиболее выдающимся личностям посвящено немало работ, в частности, хорошо исследована деятельность княгини Ольги.

² ПСРА. Л., 1926–1928. Т. 1. Стб. 60.

³ Там же. Стб. 80.

⁴ ПСРА. СПб., 1908. Т. 2. Стб. 492–493.

⁵ Там же. Стб. 547.

⁶ Там же. Стб. 531.

нет сведений о биографии Рогнеды: была ли она вдовой (что сомнительно), ее брак по каким-то причинам разрушился или она вовсе не была замужем. А. Ф. Литвиной и Ф. Б. Успенским на основе анализа традиции именованья было высказано мнение о том, что Рогнеда, как и две ее сестры (Мальфрид и Ингебьерт), прочилась отцом «замуж в Скандинавию» [Литвина, Успенский, с. 367]. Д. Домбровским были предложены иные гипотетические версии ее отождествления и судьбы [Домбровский, с. 162–166].

В 1228 г. Святослав Всеволодович отпустил свою жену в Борисоглебский монастырь близ Мурома (откуда была родом супруга), при этом «дать ей надѣлокъ много»⁷.

И лишь дважды в XII в. встречаются данные об обладании княгинями не только селами, но и городами.

В Черниговском княжестве упоминается «городъ... Святославлеѣ»⁸ (то есть жены Святослава Ольговича), который в 1159 г. «взял на щит» Изяслав Давыдович.

Второй пример касается города в Киевской земле: город Брагин был подарен Рюриком Ростиславичем своей снохе Верхуслане в честь бракосочетания с ней его сына Ростислава в 1187 г.⁹

Более полная информация дошла до нас относительно последних десятилетий XIII в., благодаря тому что волынский летописец весьма подробно описал перипетии написания завещаний Владимиром Васильковичем и довольно подробно изложил содержание «грамот», данных им брату и супруге Ольге Романовне (дочь брянского князя Романа). «По своемъ животѣ» он оставляет ей «городъ свои Кобрынъ . и с людьми и з данью»¹⁰. Кроме того, жене были завещаны села Городло, Садовое и Сомино. К ней переходит монастырь Святых Апостолов вместе с прикупленным для него селом Березовичи. При этом князь подчеркивает, что этот монастырь – лишь возможность постричься там его вдове, но не ее обязанность: «а княгини моа . по моемъ животѣ . вже восхочеть в черничѣ поити поидеть . аже не восхочеть ити . а како ей любо . мнѣ не воставши смотреть что кто иметь чинити . по моемъ животѣ»¹¹. Таким образом, княгине завещаются немалые территории с правом собирать дань¹² и мыт. Хотя, разумеется, ситуацию нельзя считать типичной, поскольку бездетный князь не мог передать наследство сыновьям, основные владения он завещал двоюродному брату Мстиславу Даниловичу, обеспечив при этом супругу.

Владения княгинями недвижимостью и иными средствами и ценностями давали возможность княжеским женам и вдовам участвовать в политической жизни. В целом ряде летописных известий имеется информация о такой деятельности княгинь, в том числе при жизни супруга.

Уже Предслава сыграла серьезную роль в событиях 1015 г., сообщив Борису о смерти отца, а Ярославу – о смерти отца и убийстве Бориса. К ней, согласно Киево-Печерскому патерику, пришел Моисей Угрин после гибели его брата Георгия, который был убит вместе с князем Борисом на Альте¹³.

«Княгиня Всеволожа» (вдова Всеволода Ярославича, вторая жена князя) и митрополит Николай были посланы киевлянами к Владимиру Мономаху для переговоров о примирении его со Святополком. Владимир «преклонися на молбу» княгини, и «княгини же бывши оу Володимера . и прииде Кыеву . и повѣда всю рѣчь Стополку . и Кианомъ яко миръ будетъ»¹⁴.

⁷ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 450.

⁸ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 502.

⁹ Там же. Стб. 658.

¹⁰ Там же. Стб. 903.

¹¹ Там же. Стб. 904.

¹² О княгининой дани говорится в Уставной грамоте Ростислава Мстиславича («дан(ь) любо княжа, любо княгинина» (Щапов Я. Н. Древнерусские княжеские уставы. М., 1976. С. 143. Ст. 6)).

¹³ Древнерусские патерики: Киево-Печерский патерик. Волоколамский патерик / Изд. подгот.: Л. А. Ольшевская и С. Н. Травников. М., 1999. С. 48.

¹⁴ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 264.

В состав посольства, таким образом, согласно справедливой характеристике М. Б. Свердлова, входили «наиболее значимые в городе после Святополка люди – глава Русской церкви и вдовствующая княгиня» [Свердлов, с. 477]. Последние исследования склоняют к тому, что именно о ней сообщает граффито Софии Киевской о покупке земли Бояна [Дробышева]. Возможно, ей принадлежат печати с именем Мария [Хамайко].

Не совсем понятно, какую роль играла в сложной политической интриге вдова Святослава Ольговича Черниговского, когда последний в 1164 г. умер, не оставив, по-видимому, завещания (хотя известно, что последние годы он был подвержен болезням). В летописи рассказывается о том, как овдовевшая княгиня с тысяцким Юрием, епископом Антонием и «с мужи князя своего . с передними» решили не сообщать Святославу Всеволодовичу о смерти дяди, пока в город не въедет Олег Святославич, сын умершего князя. Антоний целование нарушил и послал весть к Святославу: «стръи ти оумерль а по СѸлга ти . послали . а дружина ти по городомъ далече а княгини сѣдить . въ изумѣньи с дѣтьми а товара множество оу неѣ. а поѣди вборзѣ»¹⁵. Епископ рисует картину, согласно которой княгиня оказалась беззащитной и при этом не может рассуждать здраво, пребывая в горе. Но действительно ли княгиня, потеряв мужа, была деморализована и стала объектом манипуляций бояр, или, напротив, играла активную роль в интриге – сказать трудно.

Княгини, которые рано теряли супруга и при этом имели малолетних детей, особенно активно участвовали в политике и управлении княжеством. Регентом для своих сыновей стала вдова Романа Мстиславича (Анна?), которую летопись именует «княгиней Романовой» или «великой княгиней Романовой»¹⁶. После смерти Романа, по словам галицкого летописца, «снималса король со пѣтровью своею во Саноцѣ. приаль бо бѣ Данила . како милога снѣ своего»¹⁷. То есть венгерский король Андрей II встречался с княгиней в Саноке и в результате переговоров взял под покровительство Даниила. Наряду с естественными акциями по спасению детей от опасности (1206 г. – бегство из Галича, 1207 г. – из Владимира Волынского, 1213 г. – вновь из Галича и др.), есть известия не только о вынужденных, но и об активных действиях княгини. Так, после получения сыновьями Берестья она посылает боярина Мирослава к Лешеку Белому (краковскому князю): «Сии всю землю нашу и вѣчиноу держить . а снѣ мои во вдиномъ Берестьи»¹⁸. После этого Александр Всеволодович Белзский, видимо, под нажимом Лешека отдал Васильку Белз. В сентябре 1211 г. Даниил был посажен на Галичском столе, мать приезжает к 10-летнему правителю в качестве регента, но проводит в Галиче лишь несколько месяцев. По-видимому, ее весьма определенная политическая позиция и нежелание идти на поводу у привыкших распоряжаться в Галиче бояр привели к тому, что уже в конце того же года ее выгоняют галичане, вменяя ей «Володиславимъ свѣтомъ»¹⁹: «хотаца бо княжити сама»²⁰. Едва ли речь шла об оттеснении княгиней от власти слишком юного Даниила. Местному боярству гораздо удобнее было справляться с княжичем, чем с умной и опытной княгиней, каковой успела проявить себя Анна. Вполне определенно говорит летописец о правлении Анны: Даниил и Василько «Лестьковою помощью приаста Тихомль . и Перемиль ѿ СѸлександра и княжаста с мѣрью». При этом юноши под руководством матери строили планы относительно Владимира Волынского: «се ли вво ли Володимеръ боудеть наю»²¹. В 1219 г.

¹⁵ ПСРА. Т. 2. Стб. 522–523.

¹⁶ О ее происхождении и имени ведутся споры (см.: [Майоров; Домбровский, с. 267–273]).

¹⁷ ПСРА. Т. 2. Стб. 717.

¹⁸ Там же. Стб. 721.

¹⁹ Владислав – глава галицкого боярства, который счел возможным в дальнейшем даже «вокняжиться» в Галиче.

²⁰ ПСРА. Т. 2. Стб. 727.

²¹ Там же. Стб. 730. Характер подачи материала в этой части летописи дал возможность В. Т. Пашуто и П. П. Толочко считать, что начальная часть Галицко-Волынской летописи велась во Владимире Волынском и в окружении княгини [Пашуто, с. 68–69; Толочко, с. 229–230].

в 18-летнем возрасте Даниил женился, и мать постриглась в монахини²². Но уже после этого известия под 6723 г. галичский летописец сообщает о действиях княгинь по заключению мира: «Бжїимъ повелениемъ . прислаша князи Литовьскїи к великои княгини Романовѣ и Данилови и Василкови миръ дающе», – далее следует перечисление литовских князей. Как можно видеть, вдовствующая княгиня названа первой. Это говорит о том, что она продолжала играть существенную роль в политической жизни Галичской и Волынской земель. Даниил и Василько в это время были заняты борьбой с поляками. Но в статье констатируется, что действовали княгини в интересах Даниила и Василька: «си же вси миръ даша . кнѣзю Данилови . и Василкоу . и бѣ земля покоина»²³. Этот договор 1219/1220 гг. оставался актуальным длительное время. Наконец, в 1253 г. мать, приехав, по-видимому, в Холм, вместе с сыновьями Конрада Болеславом и Земовидом, а также с польскими боярами убеждает Даниила принять от папских послов корону. Скорее всего, она присутствовала и на коронации в Дорогичине.

В научной литературе в качестве дипломатической деятельности княгини (Ольги Романовны, жены Владимира Васильковича) трактуется эпизод переговоров Владимира Васильковича с послом из Люблина Яртаком²⁴. Как рассказывает летопись, тяжело больному Владимиру сообщают, что к нему «пригна» посол из Люблина Яртак. Князь не велит войти к нему послу, а просит супругу расспросить его, «с чимъ приѣхаль»²⁵. Супруга посылает за Яртаком и спрашивает: «кназь ти молвить . с чимъ есь приѣхаль . повѣжь». Он сообщает, что Лешек Черный, польский князь, умер. «Володимиръ же сжаливоси и расплакаса по немь . а прислали ма Любовници (в X – Люблинци) хотать княза Кондрата . кнажить во Краковъ . а наборзи хочю найти Кондрата кдѣ боудеть” . княгини же вшедши повѣдѣ рѣчь»²⁶. Из подробно данного летописцем описания можно понять, что княгиня передавала каждое слово и ответ на него, переходя, видимо, из комнаты в комнату. При болезни рта и гортани Владимиру Васильковичу было сложно говорить, а собеседникам, по-видимому, его понимать. В связи с этим не стоит преувеличивать значение «дипломатической деятельности» Ольги. Хотя бесспорно, что князь жене всецело доверял и использовал ее помощь при переговорах.

Ольга Романовна была любима и ценима мужем. После того как князь узнал, что его двоюродный брат Мстислав начал самоуправно распоряжаться его наследством, в права которого должен был вступить лишь после смерти Владимира, он захотел изменить свою волю, составив две грамоты – брату и супруге. И он сообщает об этом своей княгине, обращаясь к ней «княгини моа мила Сѡлго»²⁷.

Чаще всего летописи и иные нарративы содержат информацию о приложении сил княгинь в церковной сфере. Они с благословения духовников занимались благотворительностью, инициировали и финансировали строительство церквей и монастырей. Так, Анна (Янка) Всеволодовна постригается в построенном Всеволодом Ярославичем монастыре и фактически создает обитель: «Всеволодъ заложи цркъвѣ стго Андрѣа при Иванѣ прпѣбномъ митрополитѣ . створи оу црви тоа манастырь . в нем же постриже дщи его . дѣвою именовъ Иинька . сїа же Иинка совокупивши черноризици многи . пребываше с ними . по манастырьскому чину»²⁸. Но следующее известие о деятельности Янки – иного рода. В 1090 г. она возглавляет посольство

²² Возможно, в монастыре в Столпе, недалеко от Холма [Домбровский, с. 272].

²³ ПСРА. Т. 2. Стб. 735–736.

²⁴ Н. Л. Пушкарева трактует данный эпизод как участие Ольги Романовны «в ведении “государственных дел” своего княжества, принимая посольства» [Пушкарева, с. 39]. С. Г. Полякова пишет об Ольге Брянской: «Во время болезни мужа она добросовестно участвовала в государственных делах, принимала посольства» [Полякова, 2004, с. 321].

²⁵ ПСРА. Т. 2. Стб. 908.

²⁶ Там же. Стб. 909.

²⁷ Там же. Стб. 902.

²⁸ Там же. Стб. 197. В этом монастыре была похоронена жена Всеволода в 1111 г. (Там же. Стб. 273).

в Константинополь, приведя на Русь митрополита: «иде **Инька** [в Грекы дщи] Всеволожа . наре^чнаа пре^ж. [и] приведе **Инка** митрополита . Ивана скопъчину»²⁹.

В 1199 г. «княгиня Ярославля» (супруга Ярослава Владимировича) ставит в Новгороде деревянную церковь Рождества Богородицы в монастыре «на Михалици» и определяет игуменью – «Завижую посадника»³⁰. Ее сестра, жена Всеволода Юрьевича Мария также основывает монастырь во Владимире (в этом «сестринъ» монастыре и будет похоронена в 1200 г. вдова Ярослава). Ранее говорилось, что Всеволод закладывает во владимирском монастыре каменную церковь во имя Успения Богородицы, а сам монастырь назван «княгининым». Затем под следующим годом сообщается, что дочь Всеволода и Марии Елена погребена в этой церкви «в манастыри юже бѣ создала великаа кн^гт^ыни . и бл^жнаа Всеволожа»³¹. Годом позже идет известие об освящении владимирской церкви, которую «созда любовью. правовѣрнаа кн^гт^ыни великаа в свое^м манастыри»³². Вскоре и сама Мария будет здесь пострижена и скончается от тяжелой болезни. В Симеоновской летописи, представляющей ростовское летописание [Милютенко, с. 54], среди других подробностей, отсутствующих в Лаврентьевской летописи, характерно указание на то, что княгиня, готовя себе упокоение в будущем монастыре, «прикупи собѣ часть земли и притяжа и церкви на строение гробу своему»³³.

Верхуслава, дочь Всеволода Юрьевича, жена Рюрика Ростиславича, как мы узнаём из Киево-Печерского патерика, была намерена весьма серьезно вмешаться в расстановку иерархов в епархиях. Она выражала готовность издержать до 1000 серебра, чтобы поставить Поликарпа «епискупом или Новугороду, на Онтониево мѣсто, или Смоленску, на Лазарево мѣсто, или Юрьеву, на Олексѣево мѣсто»³⁴. Поскольку точная дата написания Послания епископа Симона Поликарпу неизвестна, нет возможности определить, заняты ли были перечисленные кафедры, или свободны.

Из Ростовской редакции Жития Михаила Черниговского известно, что дочь князя-мученика Мария вместе с сыновьями Борисом и Глебом «уставиша празновати» день гибели Михаила и Феодора в церкви, которую «создаста ... во има его»³⁵.

В летописях нередко встречаются сообщения о том, что княгини присутствовали на официальных мероприятиях: на пирах, свадьбах, церковных торжествах. Они сопровождали супругов в разного рода поездках. Вместе с тем есть данные о том, что княгиня при жизни мужа могла совершать поездки не с мужем, а с сыном и жить при сыне.

В частности, княгиня Ярослава Всеволодовича Ростислава-Феодосия ездила вместе с князем в Новгород. Об этом свидетельствуют сообщения об их возвращении в Переяславль: под 1223 г. («Поиде князь Ярослав съ княгынею и съ дѣтми Переяслалю»³⁶) и под 1228 г. (Ярослав Всеволодович с супругой уезжает из Новгорода в Переяславль, оставив там «2 сына своя, Феодора и Альксандра, съ Федоромъ Даниловицемъ, съ тиуномъ Якимомъ»³⁷). Но далее из летописи становится ясно, что жена Ярослава Всеволодовича в какой-то момент пребывала в Новгороде с семьей сына (поскольку уезжает оттуда с его женой и двором): зимой 1240/1241 гг. «выиде князь Олександръ из Новагорода къ отцю в Переяславль съ матерью и с женою и со всѣмъ дворомъ своимъ, роспрѣвъся с новгородци»³⁸. Александр Ярославич вернулся

²⁹ ПСРА. Т. 1. Стб. 208. О причинах такой акции см.: [Назаренко, с. 263, примеч. 56].

³⁰ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 44.

³¹ ПСРА. Т. 1. Стб. 421.

³² Там же. Стб. 417.

³³ ПСРА. СПб., 1913. Т. 18. С. 41.

³⁴ Древнерусские патерики... С. 21.

³⁵ Лосева О. В. Жития русских святых в составе древнерусских прологов XII – первой трети XV в. М., 2009. С. 296.

³⁶ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. С. 61.

³⁷ Там же. С. 66.

³⁸ Там же. С. 78.

в Новгород по просьбе новгородцев в самое ближайшее время, при этом о матери и членах его семьи в известии о его возвращении ничего не говорится. Тем не менее впоследствии княгиня должна была вновь оказаться в Новгороде, поскольку именно там в 1244 г. она умерла, постригшись в Юрьеве монастыре, и была похоронена «сторонь сына своего Федора, мѣсяца мая въ 4, на память святыя Ирины; наречено бысть имя еи Ефросинья»³⁹. Федор, старший ее сын, умер в возрасте 13 с небольшим лет в 1233 г. и похоронен в этом известном новгородском монастыре⁴⁰. При этом, как указывает Вл. В. Седов, «саркофаг не принадлежит к новгородской традиции, возможно, он сделан в Северо-Восточной, Суздальской Руси» [Седов, с. 145]. Очевидно, что княгиня постриглась в этом мужском монастыре перед самой кончиной, желая быть похороненной рядом со старшим сыном. Вл. В. Седов задавался вопросом, «почему княгиня, муж которой в это время находился во Владимире (его вызвали в Орау в 1245 г.), пребывала в Новгороде, где в это время правил ее сын Александр (Невский)» [Седов, с. 152]. Младшему сыну Ярослава и княгини Василию к моменту ее смерти было всего три года⁴¹. Когда Ростислава-Феодосия могла приехать в Новгород со столь маленькими детьми (годом раньше она родила дочь Марию)? На этот вопрос пока нет ответа. Однако ясно, что княгиня в Древней Руси и при жизни мужа могла быть достаточно свободной в своих действиях и в выборе места жительства. В Новгороде дважды княжил ее отец, Мстислав Мстиславич Удатный. Но это может быть лишь дополнительным основанием закончить там свои дни. Стремление жить в Новгороде у Ростиславы-Феодосии, возможно, было связано с комфортностью быть рядом с сыном Александром в безопасном Новгороде в условиях монгольской угрозы [Горский, с. 23, примеч. 49], но, несомненно, и с памятью о первенце, который умер неожиданно (готовилась его свадьба), что стало для нее трагедией. В память о Федоре была построена надвратная церковь в Неревском конце, возможно, при участии княгини.

* * *

Информации о княгинях XI–XIII вв. значительно меньше, чем в отношении последующего периода, в первую очередь в силу того, что практически отсутствуют актовые данные, но выявленные свидетельства позволяют сделать определенные выводы. Из рассмотренного материала ясно, что русские княгини в XI–XIII вв. не были погружены лишь в семейные дела, а в меру своей личностной активности занимались управлением хозяйством своих владений, участвовали в политической и церковной жизни княжеств и земель.

Литература

- Беляев И. Д. О наследстве без завещания по древним русским законам, до Уложения царя Алексея Михайловича. М., 1858. 140 с.
- Горский А. А. «Княгиня Володимера»: О браках Владимира Мономаха // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2020. № 4 (82). С. 17–25. DOI 10.25986/IRI.2020.82.4.002
- Добряков А. В. Русская женщина в домонгольский период. СПб., 1864. 128 с.
- Домбровский Д. Генеалогия Мстиславичей. Первые поколения (до начала XIV в.). СПб., 2015. 880 с.
- Дробышева М. М. Граффито № 25 из Софии Киевской: что мы знаем о покупке «Бояновой земли»? // Вестник Пермского университета. История. 2020. № 1 (48). С. 130–145. DOI 10.17072/2219-3111-2020-1-130-145
- Конявская Е. Л. Тема конца жизни в древнерусских летописях второй половины XII в. (последние дни князя) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2018. № 4 (74). С. 121–128. DOI 10.25986/IRI.2018.74.4.010
- Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Выбор имени у русских князей в X–XVI вв.: Династическая история сквозь призму антропонимики. М., 2006. 904 с.

³⁹ Там же. С. 79.

⁴⁰ Там же. С. 72.

⁴¹ ПСРА. Т. 1. Стб. 470.

- Майоров А. В. Дочь византийского императора Исаака II в Галицко-Волынской Руси: княгиня и монахиня // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2010. № 1 (39). С. 76–106.
- Милютенко Н. И. Владимирский великокняжеский свод 1295 г. (Радзивилловская летопись) // ТОДРА. СПб., 1996. Т. 49. С. 36–58.
- Назаренко А. В. Древняя Русь и славяне. М., 2009. (Древнейшие государства Восточной Европы. 2007 г.). 528 с.
- Пашуто В. Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950. 331 с.
- Погодин М. П. Исследования, замечания и лекции о русской истории. М., 1856. Т. 7. 484 с.
- Полякова С. Г. Ольга – княжна Брянская, княгиня Волынская и ее генеалогия // Деснинские древности. Материалы межгосударственной научной конференции. Брянск, 2004. Вып. 3. С. 319–322.
- Полякова С. Г. Княгини Древней Руси X – первой пол. XIII вв.: социальный статус и роль в государственной политике. Брянск, 2006. 294 с.
- Пушкарева Н. Л. Женщины Древней Руси. М., 1989. 286, [1] с., [16] л. ил.
- Свердлов М. Б. Домонгольская Русь. Князь и княжеская власть на Руси VI – первой трети XIII вв. СПб., 2003. 736 с.
- Седов Вл. В. Княжеские саркофаги Георгиевского собора Юрьева монастыря // Вестник РФФИ. 2018. № 2. С. 142–158.
- Толочко П. П. Русские летописи и летописцы XI–XIII вв. СПб., 2003. 296 с.
- Хамайко Н. В. Печати княгини Марии // Stratum plus. 2015. № 6. С. 231–244.

References

- Belyaev, I. D. O nasledstve bez zaveshchaniya po drevnim russkim zakonam, do Ulozheniya tsarya Aleksey Mikhailovicha [About Inheritance without a Will according to Ancient Russian Laws, before the Decree of Tsar Alexey Mikhailovich]. Moscow, 1858. 140 p.
- Dobryakov, A. V. Russkaya zhenshchina v domongol'skii period [Russian Woman in the Pre-Mongol Period]. Saint Petersburg, 1864. 128 p.
- Dombrovskii, D. Genealogiya Mstislavichei. Pervye pokoleniya (do nachala XIV v.) [Genealogy of the Mstislavichs. The First Generations (before the Beginning of the 14th Century)]. Saint Petersburg, 2015. 880 p.
- Drobysheva, M. M. Graffito No. 25 iz Sofii Kievskoi: chto my znaem o pokupke "Boyanovoi zemli"? [Graffito No. 25 from St. Sophia Cathedral in Kiev: What do We Know about the Purchase of "Boyan's Land"?]. In *Vestnik Permskogo universiteta. Istorika*. 2020. No. 1 (48). Pp. 130–145. DOI 10.17072/2219-3111-2020-1-130-145
- Gorskii, A. A. "Knyaginya Volodimerya": O brakakh Vladimira Monomakha ["Knyaginya Volodimerya": On Matrimonies of Vladimir Monomakh]. In *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*. 2020. No. 4 (82). Pp. 17–25. DOI 10.25986/IRI.2020.82.4.002
- Khamaiko, N. V. Pechati knyagini Marii [Princess Maria's Seals]. In *Stratum plus*. 2015. No. 6. Pp. 231–244.
- Konyavskaya, E. L. Tema kontsa zhizni v drevnerusskikh letopisyakh vtoroi poloviny XII v. (poslednie dni knyazy) [The Subject of the Lifetime Ending in the Russian Chronicles of the Second Half of the 12th Century (the Last Days of the Prince)]. In *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*. 2018. No. 4 (74). Pp. 121–128. DOI 10.25986/IRI.2018.74.4.010
- Litvina, A. F., Uspenskii, F. B. Vybor imeni u russkikh knyazei v X–XVI vv.: Dinasticheskaya istoriya skvoz' prizmu antroponomimiki [The Choice of the Name of Russian Princes in the 10th – 16th Centuries: Dynastic History through the Prism of Anthroponymy]. Moscow, 2006. 904 p.
- Maierov, A. V. Doch' vizantiiskogo imperatora Isaaka II v Galitsko-Volynskoi Rusi: knyaginya i monakhinya [The Daughter of the Byzantine Emperor Isaac II in the Galych-Volyn' Rus: the Princess and the Nun]. In *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*. 2010. No. 1 (39). Pp. 76–106.
- Milyutenko, N. I. Vladimirskii velikoknyazheskii svod 1295 g. (Radzivilovskaya letopis') [Vladimir Grand Duke's Chronical of 1295 (Radzivilovskaya Chronicle)]. In *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury Instituta russkoi literatury*. Saint Petersburg, 1996. Vol. 49. Pp. 36–58.
- Nazarenko, A. V. Drevnyaya Rus' i slavyane [Old Rus and the Slavs]. Moscow, 2009. (Drevneishie gosudarstva Vostochnoi Evropy. 2007 g.). 528 p.
- Pashuto, V. T. Ocherki po istorii Galitsko-Volynskoi Rusi [Essays on the History of Galician-Volyn Rus]. Moscow, 1950. 331 p.
- Pogodin, M. P. Issledovaniya, zamechaniya i lektzii o russkoi istorii [Research, Comments and Lectures on Russian History]. Moscow, 1856. Vol. 7. 484 p.

Polyakova, S. G. Ol'ga – knyazhna Bryanskaya, knyaginya Volynskaya i ee genealogiya [Olga – Princess of Bryansk, Princess of Volyn and Her Genealogy]. In *Desninskiye drevnosti. Materialy mezhdgosudarstvennoi nauchnoi konferentsii*. Bryansk, 2004. Issue 3. Pp. 319–322.

Polyakova, S. G. Knyagini Drevnei Rusi X – pervoi pol. XIII vv.: sotsial'nyi status i rol' v gosudarstvennoi politike [Princesses of Old Rus of the 10th – the First Half of the 13th Centuries: Social Status and Role in State Policy]. Bryansk, 2006. 294 p.

Pushkareva, N. L. Zhenshchiny Drevnei Rusi [Women of Old Rus]. Moscow, 1989. 286, [1] p., [16] l. of il.

Sedov, Vl. V. Knyazheskie sarkofagi Georgievskogo sobora Yur'eva monastyrya [Princely Sarcophagi of St. George's Cathedral at St. George's Monastery]. In *Vestnik RFFI*. 2018. No. 2. Pp. 142–158.

Sverdlov, M. B. Domongol'skaya Rus'. Knyaz' i knyazheskaya vlast' na Rusi VI – pervoi treti XIII vv. [Pre-Mongol Rus. The Prince and the Princely Power in Rus of the 6th – the First Third of the 13th Centuries]. Saint Petersburg, 2003. 736 p.

Tolochko, P. P. Russkie letopisi i letopisty XI–XIII vv. [Russian Chronicles and Chroniclers of the 11th – 13th Centuries]. Saint Petersburg, 2003. 296 p.

Elena L. Konyavskaya

*Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Moscow,
Saint Petersburg University, Russia*

OLD RUSSIAN PRINCESSES OF THE 11th – 13th CENTURIES:
THEIR POSSESSIONS AND ROLE IN THE POLITICAL AND CHURCH LIFE

The article provides data on the territorial possessions and activities of Russian princesses of the 11th – 13th centuries in the field of political and church life. It is concluded that the role of the princesses was not limited to family matters. To the extent of their personal activity, they were engaged in the management of their possessions, participated in the political and ecclesiastical life of the principalities and lands.

Keywords: Old Rus of the 11th – 13th centuries, Old Russian princesses, territorial possessions, regency